

О. Д. Филатова

**«ПЛАЧ О ТАММУЗЕ» В КОНТЕКСТЕ МИФОПОЭТИЧЕСКОГО
МЫШЛЕНИЯ АННЫ АХМАТОВОЙ: К ТОЛКОВАНИЮ ОДНОЙ
БИБЛЕЙСКОЙ ЦИТАТЫ В АХМАТОВСКИХ ЗАПИСНЫХ
КНИЖКАХ**

(Первая публикация: Печать и слово Санкт-Петербурга. СПб., 2012)

В творчестве Анны Ахматовой библейские сюжеты, образы и реминисценции встречаются достаточно часто. Гораздо реже, всего несколько раз – прямые цитаты в записных книжках; обычно и те, и другие как-то мотивированы: либо биографо-психологической близостью сюжета, либо (в случае цитат) афористичностью («Разве смерти нечестивому я желаю... а не того, чтобы он отстал от путей своих и был жив?»¹). Однако в одной из записных книжек есть цитата из книги пророка Иезекииля, которую трудно мотивировать: «... и вот там жены сидят и плачут по Фаммузе» (ЗК. С. 26). По библейскому *сюжету* плач по Фаммузе означает поклонение ложным богам (наряду с Ваалом и пр.) и трактуется как «мерзость», но Ахматовой этот мотив чужд, и нет никаких оснований рассматривать цитату в таком ключе. Нельзя также отнести ее к *афоризмам* или ярким *образам*, хотя определенная лирическая окраска фразе (но только при условии ее отстраненности от библейской трактовки!) присуща. Почему же Ахматова выписала ее?

Фаммуз (Таммуз²) – еврейская и арамейская трансформация имени умирающего и воскресающего шумеро-аккадского бога плодородия Думузи/Дуузу, культ которого распространился позже в сиро-палестинском регионе, что и нашло отражение в книге Иезекииля.³ Р. Д. Тименчик, комментируя персоналии из записных книжек Ахматовой, отмечает, что «Ахматова должна была знать о нем <Таммузе> прежде всего из трудов В. К. Шилейко»⁴ (участник первого Цеха поэтов, ассириолог, второй муж Ахматовой), и дает фрагменты его статьи 1922 года в журнале «Восток», включающие пересказ мифа о Таммузе в связи с мотивом весеннего обряда отпущения птицы на волю в русской литературе. В приведенных фрагментах статьи 1922 года, безусловно, можно увидеть некоторые параллели с устойчивыми мотивами/образами ахматовского творчества: приход мертвецов в /108/ некие сакральные дни («в дни Таммуза крылатым душам <...> бывает позволено оставить свой темный дом для солнечного света и простора»); превращение Иштар в русалку; заместительная / искупительная жертва («Этот благостный выкуп <освобождение птицы – О.Ф.> противоположен жестокому обряду жертвы, при котором жизнь покупается

ценой уничтожения и смерти: Козленок – замена человека, / он приносит козленка за свою жизнь»⁵. Однако все эти смыслы – далеко не самые общеизвестные составляющие мифа о Таммузе, они акцентированы именно в *статье* В. К. Шилейко, причем эту статью от ахматовской записи отделяют 36 лет, так что все-таки остается неясным, почему в декабре 1958 года записывается цитата из книги пророка Иезекиля об оплакивании Таммуза.

В. К. Шилейко в своих работах достаточно подробно излагает сюжет, в котором Таммуз – сын богини Иштар, и лишь коротко замечает в одной из статей, что общий для многих культур этот «хтонический миф растет и превращается: <...> дитя, связующее мать с отцом, само становится супругом матери»⁶. В отличие от него, Дж. Фрезер указывает, что «<в> вавилонской религиозной литературе Таммуз фигурирует в качестве юного супруга или любовника Иштар»⁷, и о другом варианте не упоминает; аналогично передают миф и современные научные и энциклопедические издания. Отмечая, что сведения об отношениях Таммуза и Иштар «туманны и фрагментарны» (о чем говорят и современные исследователи), Фрезер останавливается в основном на второй части сюжета – оплакивании, скорби Иштар, ее схождении «в землю, откуда нет возврата» и затем возвращении «вероятно, вместе с ее возлюбленным Таммузом»⁸.

В нашем случае не имеет значения научная точность результатов исследований Дж. Фрезера или В. К. Шилейко (многое в позднейшем ассириоведении стало трактоваться иначе). Для понимания ахматовского текста важно знать лишь то, из каких источников могла она узнать этот мифологический сюжет, в каком его варианте и чем он мог ее заинтересовать, что для нее значил. «Золотая ветвь» Фрезера издавалась начиная с 1890-го года в России многократно и была очень популярна, хотя этого, конечно, недостаточно, чтобы объяснить интерес Ахматовой. Вернемся к сюжету мифа – первая часть его восстанавливается по более ранним, шумерским текстам: богиня Инанна (в аккадском пантеоне – Иштар), чтобы выйти из царства мертвых, должна заплатить выкуп – отправить кого-то туда вместо себя; получив отказ от тех, к кому она обращалась с такой просьбой, Инанна /109/ останавливает «взгляд смерти» на своем супруге-возлюбленном Думузи.⁹ Таким образом, очевидно, что Таммуз, как и Думузи, – заместительная жертва, но поскольку в аккадских вариантах мифа эти звенья сюжета в основном утрачены, а семантика жертвы не прояснена и взаимоотношения Думузи/Таммуза и Иштар «менее ясны <...> и совсем не мотивированы»¹⁰, то в вавилонских текстах Таммуз предстаёт как жертва жгучей, но недолговечной страсти Иштар и ее неистового нрава. Именно в таком качестве он упоминается в хорошо знакомом Ахматовой источнике – вавилонском эпосе о Гильгамеше, который вошёл в русскую культуру в 1919 году в переводе не Шилейко (хотя он сделал свой перевод примерно в то же время), а Н. С. Гумилёва. Внимательное изучение контекста, ближайшего к выписанной Ахматовой библейской цитате (т.е. ее записей самого разного характера того же времени, а также чтения в данный период), и соотнесение обнаруженных

связей со смысловыми константами ахматовского творчества позволило предположить, что цитата об оплакивании Таммуза отсылает именно к памяти Н. Гумилева. В цепочке Гумилев – Гильгамеш – Таммуз можно выделить два узловых момента, сопрягающие важные для ахматовского творчества смыслы. Это мифологемы священного брака и заместительной жертвы: возрождение/творение мира (а священный брак относится к кругу мифов творения) обеспечивается жертвой, причем это жертва не только искупительная, но и заместительная – ею становится божественный супруг или сын; в мифе о Гильгамеше мотивы брака и жертвы реализуются иначе, но и там заместительной жертвой становится другое я героя – его побратим.

В эпосе «О все выдавшем...» (Гумилев назвал его по имени главного героя) священный брак с богиней уже осознается как грозящий гибелью: Гильгамеш отказывается от любви богини Иштар, не желая печальной участи ее возлюбленных, первым среди которых он называет Таммуза:

Ну, Гильгамеш, отныне ты мой любовник!
Твоим вожденьем я хочу насладиться.
Ты будешь мне мужем, я буду тебе женою,
Гильгамеш отверзает уста и вещает,
К владычице Иштар обращает слово:
«Сохрани для себя свои богатства,
<...>
/110/ Ведь любовь твоя буре подобна,
Двери, пропускающей дождь и бурю,
Дворцу, в котором гибнут герои,
<...>
Где любовник, которого бы ты всегда любила,
Где герой, приятный тебе и в грядущем?
Вот, я тебе расскажу про твои вожденья:
Любовнику юности первой твоей, Таммузу,
На годы и годы назначила ты стенанья!»¹¹

Итак, Таммуз обречен на страдания своей божественной женой-возлюбленной, такова же участь множества других ее избранников. В творчестве Ахматовой не раз звучит мысль, что быть ее поклонником (в том числе и читателем) – это суровое испытание, возможно, смертельное, что людей от нее надо «оберегать»¹²: «Один поэт ведет в хоромы, / Другой – под своды шалаша, / А третий – прямо в ночь истомы, / Моим – и дыба хороша»¹³ («Выход книги», 1961), «Я научу шарахаться всех “смелых” от меня» («Не лирою влюбленного...», 1956; I, 281) – ср. вышеприведенный ответ Гильгамеша, героя, которому нет равных по силе и смелости. Исследователями многократно отмечался и анализировался такой устойчивый мотив творчества Ахматовой, как чувство неискупленной вины перед «дорогими мертвецами». Чувство это питалось из разных источников. Во-первых, Ахматова считала «вещное слово поэта» самой «грозной и

страшной» властью (ЗК. С. 35), часто губительной для тех, кто с ней соприкасается слишком близко:

Я гибель накликала милым,
И гибли один за другим.
О, горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим. (II, 79)

Стихотворение написано вскоре после гибели Гумилева (октябрь 1921), а летом 1958 года и в новых стихах, и в восстановленных строках, и в работах о Пушкине настойчиво повторяются мотивы смерти поэта, самоубийства¹⁴, появления призрака – «голоса из тринадцатого года», когда из прошлого «сыростью пахнуло гробовой» («При музыке», 20 июля 1958; I, 290) и др., прихода «мертвого мужа» и т.п., что, соответственно, позволяет трактовать чувство вины и в другом (не «пророческом»), более личном, автобиографическом плане. Летом /111/ 1958 года выходит статья Ахматовой «“Каменный гость” Пушкина», где одной из основных стала тема «загробной ревности-верности»; в июне она восстанавливает «черновик» стихотворения 10-х годов:

Если в небе луна не бродит,
А стынет – ночи печать...
Мертвый мой муж приходит
Любовные письма читать.
<...>
Сверяет часы свиданий
И подписей смутный узор.
Разве мало ему страданий,
Что вынес он до сих пор. (ЗК. С. 9)

В основе возникновения этого лирического сюжета – случайная находка Н. Гумилевым письма Модильяни к Ахматовой и то, как он его воспринял: «<...> он <Гумилев> белый сидит, склонив голову. Дает ей письмо... Письмо это прислал АА один итальянский художник, с которым у АА ничего решительно не было. Но письмо было сплошным символом...»¹⁵. В 1962 году Ахматова в записных книжках дважды упоминает «парижскую трагедию» Гумилева, имея в виду его страдания (из-за её отказа выйти за него замуж) и две попытки самоубийства, но, думается, эпизод с «любовными письмами» из Парижа в подтексте здесь тоже прочитывается. Интересен первый набросок воспоминаний о Модильяни: «Пьяным я его [никогда] не видела, – от него никогда не пахло вином. <...> (Вообще он никогда не говорил мне ты и для этого не было оснований.)» (ЗК. С. 5). Вряд ли случайность, что самое первое (по крайней мере, в записных книжках) воспоминание о Модильяни оформлено как возражение-оправдание и по сути является продолжением объяснений с Гумилевым – ср: «Только раз Н. С. Гумилев, когда мы в последний раз вместе ехали к сыну в Бежецк (в

мае 1918 г.) и я упомянула имя Модильяни, назвал его «*пьяным чудовищем*» (выделено мной – О.Ф.) или чем-то в этом роде <...>» (I, 286 – 287), особенно если учесть, что набросок о Модильяни в записной книжке (лист 6) находится между двумя гумилевскими цитатами – на листах 4 и 6 об.

О том, что стихотворение о «загробной ревности» мертвого мужа не просто одна из попыток восстановить забытое или утраченное (в ряду многих других текстов), а звено в цепочке упорных, значимых для /112/ Ахматовой размышлений и переживаний, говорит ряд близких по тематике записей, приходящихся на июнь 1958 года, и дальнейшее развитие этой линии – пунктирно, с перебивками и разветвлениями, но последовательно и настойчиво. Так, в июне же сделана попытка восстановить строки, которые, видимо, являлись откликом на известия о попытках самоубийства Гумилева: «Улыбнулся, вставши на пороге, / Умерло мерцание свечи, / Сквозь него я вижу пыль дороги / И косые лунные лучи...» [10-ые годы (или раньше)] *Балаклава*» (ЗК. С. 15). На это указывает поправка в дате (*раньше 10-х годов* – возможно, потому, что попытки самоубийства были ранней осенью и в декабре 1908 года¹⁶) и место написания, см. в записях П. Н. Лукницкого со слов Ахматовой: «1/III 08 телеграммы о том, что Николай Степанович остался жив еще не было. Это видно из стихотворения АА, которое помечено 1 марта 1908 года»¹⁷, а весной 1908-го Ахматова жила на даче в Балаклаве¹⁸. (Возможно, именно это стихотворение, восстановленное в 1958 году, имелось в виду, так как в собраниях сочинений текста с датой «1 марта 1908» нет.)

В первых двух записных книжках Ахматова ещё лишь намеками, условными знаками-эмблемами обозначала те непростые, болезненные для себя темы, к раскрытию которых напрямую она подойдет позже, и цитата об оплакивании Таммуза – один из таких «иероглифов», обозначающих её отношения с Гумилевым, с одной стороны, в реально-биографическом, с другой – в надбытовом, духовном или даже мистическом плане. Что касается первого плана, то неразделённую любовь Гумилева к ней Ахматова назвала в записях 1962 года «ужасом его юности» – ср. упрек Гильгамеша Иштар: «Любовнику юности первой твоей, Таммузу, / На годы и годы назначила ты стенанья!». Однако это всё-таки не объясняет глубины и долговечности, «пожизненности» чувства вины, особенно если учесть, что она знала, так сказать, итоговое отношение Гумилева к их совместной жизни: «Когда в 1916 г. я как-то выразила сожаление по поводу нашего в общем несостоявшегося брака, он сказал: “Нет – я не жалею. Ты научила меня верить в Бога и любить Россию”» (ЗК. С. 364).

Маргарита Финкельберг, развивая излюбленную ахматоведками тему «вины», принимаемой на себя Автором в «Поэме без Героя», приходит к выводу, что это должно быть «нечто вполне конкретное», но не ограничивающееся коллизиями любовного треугольника, более того – вообще лежащее в иной плоскости. По мнению М. Финкельберг, Н. Гумилев является прототипом не только героя поэмы, но и образа /113/ Поэта («полосатой версты») и в этом качестве «сопоставляется» с Демоном

(прототипом которого был А. Блок): «Ретроспективное противопоставление обоих Автором носит в первую очередь ценностный характер: “размалеванный пестро и грубо” Верста открывается как выходящий на авансцену герой, тогда как Демон, воплощение “бесовского очарования” эпохи, оказывается “мертвецом”. Очевидно, в первоначальном противопоставлении обоих, приуроченном к 1913 году, оценка Автора была иной. Именно к этой ошибочной оценке и восходит, по моему мнению, тема вины».¹⁹ Не всё здесь можно принять безоговорочно (в частности, не бесспорно отождествление отсутствующего Героя и Версты, т.е. Поэта с большой буквы – это всё-таки образ собирательный; вызывает сомнение также слишком жёсткое привязывание прототипов к образам и в результате – выдвигание на первый план противопоставления Гумилев – Блок), но главное схвачено, на мой взгляд, верно: всё дело в отношении Ахматовой к Гумилеву-поэту, которое, видимо, с течением времени действительно менялось – от достаточно прохладного к подлинно уважительному. О периоде 10-х годов Ахматова заметила: «<...> к стихам Гумилева никто особенно внимательно не относился» (ЗК. С. 252); см. также весьма показательный эпизод более раннего времени: Гумилев «сжег рукопись пьесы “Шут короля Батинволя” за то, что я не захотела ее слушать» (ЗК. С. 219), а ведь сам Гумилев эту пьесу считал тогда едва ли не лучшим своим творением, см. письмо Брюсову 1906 года: «Одна моя надежда на драму “Шут короля Батиньоля”. У меня даже честолюбивые мечты поставить ее в театре <...>»²⁰. В контексте мифа о Таммузе следует отметить здесь линию некой особенной, избранной пары (в данном случае – два поэта), где первенствует женщина, что создает особый драматизм отношений – такое видение неоднократно засвидетельствовано в воспоминаниях Ахматовой, записанных и ею, и её собеседниками. Приведу лишь несколько примеров. Возражая против мнений зарубежных литературоведов о влиянии Гумилева на её становление как поэта, она писала: «<...> напоминаю, что я выходила замуж не за главу акмеизма <т.е. не за мэтра – О.Ф.>, а за молодого поэта-символиста<...>» (ЗК. С. 82). См. также устные высказывания Ахматовой разных лет: «Раз мы ссорились <...> и я сказала: “А все равно я лучше тебя стихи пишу”»²¹; «У меня в молодости был трудный характер, я очень отстаивала свою внутреннюю независимость и была очень избалована. <...> Это был поспешный брак. <...> Он <Гумилев – О.Ф.> думал, что женится на /114/ простенькой девочке, что она воск, что из нее можно будет человека вылепить. А она железобетонная. Из неё не только нельзя лепить – на ней зарубки, царапины нельзя провести»²². Последнее высказывание сделано отчасти «на публику» (в ответ на расспросы Л.К. Чуковской), но через двадцать лет в ноябре 1962 года Ахматова записывает уже «для себя» (с пометой – «Про 10-ые годы»): «Но ведь и я отстаивала себя. Мне тоже надо было остаться самой собой, а не стать ученицей, мироносицей и т.д. <...> Он написал: “Ты победительница жизни, / И я товарищ вольный твой”» (ЗК. С. 233). Приведенная здесь цитата Гумилева имела для Ахматовой концептуальное значение – она была записана ею неоднократно, в том числе

и в первой записной книжке (лето 1958) – тогда еще без комментариев. Этой стороне отношений Ахматовой и Гумилева посвящены две главы в книге М. В. Серовой: «Их недолгая семейная жизнь, по свидетельству Ахматовой, представляла не традиционное противоборство супружеских характеров, а поединок двух волей, спровоцированный обстоятельствами и причинами отнюдь не житейского плана. Этот план Ахматова преподносила в своих поздних записях как глубоко мистический»; «Ахматова в этой сфере оказалась более “сильной” волей и поняла это раньше Гумилева. Гумилев в конечном итоге тоже всё понял, назвав свою роковую избранницу (сначала “царскосельскую гимназистку”, а потом жену, красивую темноволосую даму, которую он прежде всего повез в Париж), “победительницей жизни”, а на себя взяв только роль ее “товарища”»²³.

Действительно, Гумилев в поэтической мифологии Ахматовой ни Царевичем, ни Женихом (как она именovala в ранних стихах равного партнера в любовном союзе или «священном браке») никогда не был, и супружество их эту ситуацию не изменило. Интересно в этом плане ее высказывание 1925-го года: «У Блоков рано измены начались <...> Но во всяком случае это был б р а к, а не то, что у Н.С. Разве можно считать, что он был в браке с Анной Николаевной? Или со мной? Разве э т о б ы л б р а к?»²⁴ В. В. Мусатов, признавая, на первый взгляд, странность подобного восприятия, прокомментировал его так: «Все дело в том, что для Блока его мистический брак с “Любой” оставался нерушимым, несмотря ни на какие “измены”. Ахматова с горечью ощущала, что именно этого ей не дано»²⁵. Однако с течением времени житейский, духовный, психологический опыт Ахматовой (включая сюда сновидения и разного рода «совпадения», которым она придавала большое значение) привел ее к осознанию, что этот брак все-таки *был*, /115/ и был он, как справедливо отметила М. Серова, именно «глубинно мистический», несмотря ни на какие житейские обстоятельства. Ср. заметки Ахматовой о Гумилеве 1963 года: «Сейчас <...> я не касаюсь тех особенных, исключительных отношений, той непонятной связи, ничего общего не имеющей ни с влюбленностью, ни с брачными отношениями, где я называюсь “тот другой” <...> Для обсуждения этого рода отношений действительно еще не настало время» (ЗК. С. 365) – или наброски того же года ее незавершенной драмы «Пролог, или Сон во сне»: «С ней делил я первозданный мрак, / Чьей бы ни была она женою, / Продолжался (я теперь не скрою) / Наш преступный брак» (ЗК. С. 402).

М. Финкельберг сделала в своей статье интересное наблюдение, касающееся восприятия Ахматовой не только духовной, но и официальной стороны своей биографии: несмотря на то, что она и Гумилев развелись и оба вступили в брак вторично, Ахматова в написанной в конце 50-х годов автобиографии «Коротко о себе», в отличие от «Моей биографии» 1946 года, ни развод с Гумилевым, ни брак с В. К. Шилейко не упоминает (как, кстати, и свой союз с Н. Пуниным), «<о>чевидно, в ретроспективном взгляде на свое прошлое Ахматова видела своим мужем лишь Гумилева – позиция, нашедшая выражение в образе Командора и в связанной с ним теме

“загробной ревности-верности”»²⁶. Таким образом, в последние годы жизни Ахматова всё больше осознавала себя как вдова Гумилева, которая «должна и гробу быть верна» – кредо пушкинских героинь, отмеченное ею в статье о «Каменном госте». Но в чем состоял смысл этой «верности» по прошествии десятилетий? Видимо, в принятом на себя пожизненном долге памяти-скорби и памяти-славы. И это вновь возвращает нас к линии Гумилев – Гильгамеш – Таммуз.

На первый взгляд, выявляемая мною связь может показаться некоторой натяжкой: ведь если выписанную Ахматовой цитату от работ (статьи) Шилейко отделяют тридцать шесть лет, то от гумилевского перевода эпоса о Гильгамеше – все сорок! Однако многие, если не все, вопросы снимаются, если учесть, во-первых, что восприятие библейской цитаты о Таммузе в «гумилевском» ключе было подготовлено предшествующими чтением, воспоминаниями и сопутствующими творческими замыслами, и, во-вторых, что многие смысловые линии эпоса «О всё видавшем» в сознании Ахматовой прочно были связаны с Гумилевым.

/116/ Как уже говорилось, цитата об оплакивании Таммуза записана в конце 1958 года. В записных книжках этого периода содержатся (помимо списков текущих дел, переводимых поэтов, визитёров, адресатов и т.п.) наброски новых и строки восстановленных стихотворений 10-х годов, воспоминания, в основном относящиеся к окружению Ахматовой 10-х годов, и автобиографические заметки. При всём многообразии содержания можно назвать одну из объединяющих многие записи тем: «... смерть стоит за каждым поворотом / И гибели достаточно для всех» (ЗК. С. 28) – и выделить ее подтемы: судьба поколения, которая в творческом воплощении видится как «кроваво-черный карнавал» (ЗК. С. 2) и «трагический балет» (ЗК. С. 19), и вписанная в нее частная судьба Ахматовой, женщины и поэта. В этот пласт входит и цитата из Гумилева, навеянная Ахматовой чтением Библии. Во второй половине 1958 – начале 1959 годов Ахматова, видимо, перечитывала книги пророков, поскольку в записной книжке № 2 на следующем после цитаты о Фаммузе листе идет запись имен двенадцати пророков в том порядке, в каком их книги следуют в Библии (с пропуском двух имен): «Исаія, Иеримія, Иезекіиль, Осія, Авдій, Иона, Наум, Аввакум, Захарий, Аггей, Малахій Сима», а в предшествующей записной книжке (№ 1) есть отсылка к книге Исаяи и, одновременно, к стихам Гумилева: «Страх и яма, и петля на тебя, туземец! (Исаія, гл. 24, стих. 17, стр. 688)<.> Сравнить Н.Гум<илев> “Звездный ужас”». (ЗК. С. 4) Таким образом, библейский текст становится лишь отправной точкой глубоко личных размышлений, в частности, о судьбе Гумилева: через один лист записывается первый набросок о Модильяни «Пьяным я его [никогда] не видела...» (см. выше) и уже откомментированная гумилевская цитата («Ты – победительница жизни <...>»). Еще через один лист (л. 8) записано сновидение: «В ночь под 20-ое ноября видела во сне Х в Безымянном переулке. Он дал мне белый носовой платок <...> чтобы вытирать слезы, и бродил со мной в темноте по переулку» (ЗК. С. 5 – 6). Иксом Ахматова обозначала в своих текстах разных людей и

персонажей, в том числе и Гумилева. В данном случае на него однозначно указывает Безымянный переулоч, потому что это не только автобиографическая царскосельская деталь (адрес семьи Горенко – дом Е. И. Шухардиной, ул. Широкая, «второй дом от вокзала, угол Безымянного переулоча» (см.: ЗК. С. 564), но и аллюзия на гумилевский «Заблудившийся трамвай»: строку из этого стихотворения – «А в переулочке забор дощатый...» – Ахматова взяла эпиграфом к «Царскосельской оде», которая первоначально называлась /117/ «Безымянный переулоч» (см.: ЗК. С. 142).²⁷ Таким образом, библейский текст, соотносимый с фактами личной и творческой биографии близких людей, «страдательная» судьба супруга-возлюбленного и роковая предопределенность его гибели, его вторая роль в царственной паре, рядом с «победительницей жизни», и символический жест, когда он дает *белый* (один из цветов траура) платок, чтобы она утирала слезы, подводят к совершенно однозначной трактовке цитаты об *оплакивании* Таммуза. В книге Дж. Фрэзера приводится изумительный по красоте поэтический текст, сохранившийся на глиняных табличках и носящий название «Стенание флейт по Таммузу»²⁸:

Когда он исчезает, она поднимает плач:

«Мой чародей и жрец!»

Когда он исчезает, она поднимает плач

у великолепного кедр, пустившего корни на просторе.

«Чародей» – это и автохарактеристика Гумилева («колдовской ребенок, взглядом останавливавший дождь» – «Память»²⁹), и та сторона его поэтического дарования, которую Ахматова особенно подчеркивала в 60-е годы, указывая на пророческое значение его строк. О символике кедр у Ахматовой здесь достаточно сказать, что она прочно связана с семантическим комплексом «смерть поэта» (безымянная/забытая/ненайденная могила).

Оплакивание (память-скорбь) – лишь одна из форм исполнения вдовьего долга, не покрывающая полностью космический, вневременной масштаб «священного брака», где в роли божественного супруга выступает герой и поэт. Упоминание Таммуза метонимически вводит и тему Гильгамеша (метонимический принцип как особый способ ахматовской тайнописи – одновременного обозначения и сокрытия некоего содержания – отдельная тема), с которым связан мотив памяти-славы, т.е. достойного посмертного существования, входящий в более сложную семантику мифологемы «смерть поэта». То, что отдельные элементы переведенного Гумилевым эпоса стали составляющими ахматовско-гумилевского мифа, не вызывает сомнений. Так, в стихотворении «Так отлетают темные души...» (1940; II, 123), многие реалии которого однозначно отсылают к Н. Гумилеву, Ахматова упоминает друга-двойника Гильгамеша – Эабани, созданного богами специально для того, чтобы у героя появился /118/ товарищ, во всём ему равный, при этом Эабани (позднейшая транскрипция его имени – Энкиду) является так называемым «младшим героем», основная функция которого в героическом эпосе – «смерть за героя в обстоятельствах, по

логике которых смерть в первую очередь угрожает самому герою»³⁰, т.е. функция заместительной жертвы. Также в строфе, не вошедшей в последний текст «Поэмы без Героя», создавая образ «Поэта с большой буквы»³¹, она называет Гильгамеша его воплощением («Гильгамеш ты, Геракл, Гессер – / Не поэт, а миф о поэте»³²). Мнение, что эта строфа «восходит к памяти о В. К. Шилейко»³³, вряд ли обоснованно. Пусть Гильгамеш как *имя*, как реалья неизбежно напоминал Ахматовой и о Шилейко, и о Гумилеве, но Гильгамеш как *образ* соотносился, конечно, только с Гумилевым: названных Ахматовой троих мифологических героев объединяет то, что они вступают в борьбу с чудовищами, а это одна из важнейших составляющих гумилевской концепции художника (ср. в «Волшебной скрипке»: «Посмотри в глаза чудовищ»³⁴). Все трое, как и положено героям, постоянно отправляются в дальние походы и с кем-то борются, Гильгамеш же оказывается еще и поэтом (см. в переводе Гумилева: «Ходил он далеко, и устал, и вернулся / И выбил на камне свои труды»³⁵), а в личности Гумилева как современники, так и потомки отмечали три неразделимых ипостаси – поэта, воина, путешественника. Что касается великих познаний Гильгамеша, который «прочел совокупно все писанья, глубину премудрости всех книгочетов»³⁶, то это действительно можно отнести в первую очередь к Шилейко, который еще студентом подготавливал к печати древневосточные тексты и переписывался «как равный с крупнейшими востоковедами Европы»³⁷, однако стоит отметить, что Ахматова относилась к его премудрости без особого пиетета, см.: «Лозинский <...> был образованнее всех в Цехе. (О шилейкинском чаромутии не берусь судить)» (II, 93).

Насколько глубоки и обширны гумилевские подтексты, аллюзии и реминисценции в линии Поэта с большой буквы в «Поэме без Героя», обстоятельно показала М. Финкельберг.³⁸ На гумилевский след указывает и тот факт, что строфа с упоминанием Гильгамеша была вписана в рукопись с редакцией поэмы 1963 года, а именно в 1962–1963 годах написана большая часть воспоминаний Ахматовой о Гумилеве – в том числе и о той глубинной таинственной связи между ними, которую не отменили ни развод, ни сама смерть. Записи Ахматовой свидетельствуют, что В. К. Шилейко не было места в творимом ею /119/ автобиографическом мифе, в то время как фигура Гумилева в рамках этого мифа с годами становилась все значительнее, а их взаимоотношения – все значимее для Ахматовой (о чем отчасти было сказано выше). Это было замечено и ее собеседниками: «<...> в последние годы жизни ее рассказы о себе обычно имели определенную цель, утверждение собственной концепции ее жизни, и главная роль в этой концепции принадлежала Гумилеву».³⁹ Воспоминания Ахматовой о Гумилеве так и не обрели завершенность, следовательно, не обрела её и «концепция», но несомненно, что в ней не последнее место занимала семантика посмертной жизни поэта и героя – семантика, объединяющая (наряду со страстью Иштар) мифы Гильгамеша и Таммуза.

Сюжет *смерти поэта* обозначен в первых двух записных книжках в основном именно в аспекте смерти. Так, строки из Библии и гумилевского

«Звездного ужаса» вводят мотивы страха и казни (*петля*), а также могилы-ямы (т.е. неухоженной и безымянной, в отличие от могилы-памятника) – последний особенно значим для Ахматовой, хорошо прослеживается в ее записях и творчестве и, конечно, в первую очередь связан с памятью о расстрелянном и неизвестно где захороненном Гумилеве. В собственно автобиографических заметках основное место также занимает описание индивидуального варианта ситуации изгойство/гибель поэта. Своей «могилой», «гражданской смертью» Ахматова называет долгий период молчания, непечатания и дает своеобразный мартиролог своих поэтических сборников, нередко подчеркиванием усиливая значимость слов *уничтожен* (четырежды), *запрещен* (четырежды), *возвращен* (дважды) и др. (ЗК. С. 28 – 29). Таким образом, в понимании Ахматовой подлинная смерть поэта – забвение. Последние четыре главы (таблицы) эпоса о Гильгамеше рассказывают о скорби Гильгамеша по умирающему другу («Шесть дней и ночей над ним я плакал»⁴⁰) и его попытках добыть растение бессмертия. Боги по просьбе Гильгамеша ненадолго выпускают из «обители мрака» тень друга, по которому он тоскует, и тот раскрывает ему безотрадный «закон земли», т.е. закон смерти: все в загробном мире «пыли подобно». Но Гильгамеш спрашивает дальше:

«А того, кто убит в бою, ты видел?» –

«Видел! Мать и отец его голову держат, жена над ним наклонилась». –

А того, чье тело брошено в поле, ты видел? – «Видел!

Его тень не находит в земле покоя». –

/120/ «А того, о чьем духе никто не печется, ты видел?» –

«Видел! Остатки в горшках и объедки с улицы ест он».⁴¹

Безусловно, строки о том, чье «тело брошено в поле», о чьей памяти «никто не печется» (что лишает мертвого достойного посмертия) в свете судьбы Гумилева не могли оставить Ахматову равнодушной. Возможно, подготовленное «гумилевским» контекстом восприятие библейского сюжета оплакивания Таммуза напомнило ей о гумилевском переводе и тем самым послужило одним из толчков и к наброску строфы о Поэте с большой буквы с упоминанием Гильгамеша, и к возникновению темы мистического брака в последующем стихотворном тексте «Пролога». Может быть, в какой-то степени – и к очередной активизации ее усилий по «собираанию и обработке материалов по наследию Г<умиле>ва» (ЗК. С. 365), что она считала своим долгом, поскольку его слава, его «воскрешение» в России еще были под большим вопросом и даже до выхода первого тома его стихов за рубежом оставалось еще четыре года.

Примечания

¹ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). – М.; Torino, 1996. – С. 39. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с пометой ЗК. и указанием страницы.

-
- ² В научной и научно-популярной литературе дается в основном эта транскрипция имени бога – она будет использоваться и в данной статье.
- ³ См.: Афанасьева В.К. Думузи // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. – М., 1994. – С. 409.
- ⁴ Тименчик Р.Д. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Некалендарный XX век. – М., 2011. – С. 350.
- ⁵ Там же. – С. 350 – 351.
- ⁶ Шилейко В. К. Иштар // Шилейко В. К. Через время. – М., 1994. – С. 91.
- ⁷ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. – М., 1980. – С. 364.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Афанасьева В. К. Инанна // Мифы народов мира. Т. 1. – С. 511.
- ¹⁰ Афанасьева В. К. Думузи // Мифы народов мира. Т. 1. – С. 410
- ¹¹ Гильгамеш. Перевод *Николая Гумилева* // Эпос о Гильгамеше. Сказание о все выдавшем. – М., 2005. – С. 218 – 219.
- ¹² См.: «Скучно мне оберегать от себя людей...» (Ахматова А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М., 1990. – С. 355).
- ¹³ Ахматова А. Победа над Судьбой: в 2 т. Т. I. – М., 2005. – С. 317. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием тома – римскими цифрами, страницы – арабскими.
- ¹⁴ В этот период Ахматова готовит статью о теме самоубийства у Пушкина и делает один из первых набросков балетного либретто по «Поэме без Героя, включающего сцену самоубийства мальчика-драгуна (в дальнейших набросках он обозначен и как поэт) и сцену появления его призрака (видение).
- ¹⁵ Лукницкий П. Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. – Париж, 1991. – С. 75.
- ¹⁶ См. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1866. – М., 2008. – С. 48–49.
- ¹⁷ Там же. – С. 188.
- ¹⁸ См.: Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1866. – М., 2008. – С. 50.
- ¹⁹ Финкельберг М. О герое «Поэмы без героя» // Русская литература. – 1992. – № 3. – С. 219.
- ²⁰ В огненном столпе. – М., 1991. – (Русские дневники). – С. 163.
- ²¹ Роскина Н. «Как будто прощаюсь снова...» // Воспоминания об Анне Ахматовой. – М., 1991. – С. 529.
- ²² Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. – М., 1997. – С. 138.
- ²³ Серова М. В. Анна Ахматова: Книга Судьбы (феномен «ахматовского текста»: проблема целостности и логика внутривидовых взаимодействий). – Ижевск; Екатеринбург, 2005. – С. 117, 120.
- ²⁴ Лукницкий П. Асуміана. Т. I. – С. 180.
- ²⁵ Мусатов В. В. «В то время я гостила на земле...». Лирика Анны Ахматовой. – М., 2007. – С. 134.
- ²⁶ Финкельберг М. Указ. соч. – С. 211.
- ²⁷ См. также в наброске балетного либретто фрагмент «Линия отсутствующего героя», почти весь состоящий из гумилевских цитат: «Связь с поэмой в поздней фантастике: заблудившегося трамвая: *(Наши Безымянный персеулок>) дощатый забор*» («Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории / изд. подг. /122/ Н.И. Крайнева; под ред. Н.И. Крайневой, О.Д. Филатовой. – СПб., 2009. – С. 1237). Разные шрифты указывают разные (по времени) уровни записи.
- ²⁸ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. – М., 1980. – С. 365 – 366.

-
- ²⁹ Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. – М., 1990. – С. 338. Это стихотворение Ахматова ценила и цитировала его в своих заметках о Гумилеве.
- ³⁰ Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. (Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока»). – М., 1974. – С. 231-232.
- ³¹ «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. – СПб., 2009. – С. 1051.
- ³² Там же. – С. 910.
- ³³ Ахматова А. Собр. соч.: в <8> т. Т. 3 Поэмы. Pro domo mea. Театр / Сост., подгот. коммент. и статья С. А. Коваленко. – М., 1998. – С. 647.
- ³⁴ Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. – М., 1990. – С. 338.
- ³⁵ Гильгамеш. Перевод *Николая Гумилева*. – С. 196.
- ³⁶ Эпос о Гильгамеше. Сказание о всё выдавшем. – М., 2005. – С. 187. Перевод В. К. Шилейко (здесь не воспроизводятся квадратные скобки, означающие, видимо, утраченные фрагменты текста) – в его предисловии к гумилевскому переводу, в котором эти строки выглядят так: «Испытывал судьбы земли и неба, / Глубины познания всех мудрецов» (С. 195) .
- ³⁷ Иванов Вяч. Вс. Одетый одеждою крыльев // Шилейко В. К. Через время. – М., 1994. – С. 5.
- ³⁸ Финкельберг М. Указ. соч. – С. 207-224.
- ³⁹ Роскина Н. Указ. соч. – С. 529.
- ⁴⁰ Гильгамеш. Перевод *Николая Гумилева*. – С. 228.
- ⁴¹ Гильгамеш. Перевод *Николая Гумилева*. – Режим доступа: <http://gumilev.ru/translations/3/> (1.10.2012). Цитируется по электронному ресурсу, поскольку в указываемом ранее издании (Эпос о Гильгамеше. Сказание о всё выдавшем. М., 2005) на с. 253 допущена ошибка – пропуск двух строк.